Драган Мияилович
Девочка и ветер
«Проза нашего времени»

Драган Мияилович

Девочка и ветер

Серия «Проза нашего времени (Этерна)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21096900
Драган Мияилович. Девочка и ветер: Этерна; Москва; 2016
ISBN 978-5-480-00370-3

Аннотация

Этот роман никого не оставит равнодушным. Трогательный и интересный рассказ о молодой женщине, попавшей в зависимость от наркотиков и из-за этого оказавшейся в страшной беде, написан очень эмоционально и колоритно.

Писатель Драган Мияилович, сербский священник и психолог, погружается во внутреннее состояние души своих героев, верно передавая его читателю, пытается донести свою основную мысль: в сегодняшнем всеобщем хаосе любовь – это единственное, что может победить зло.

Содержание

I	5
II	16
III	27
IV	38
V	43
VI	51
VII	58
VIII	63
IX	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Драган Мияилович
Девочка и ветер

Некий человек, окончивший свой жизненный путь на земле, оказался перед воротами рая.

Тут его встретил озаренный светом ангел Божий с вопросом:

– Какие раны и шрамы ты несешь оттуда, снизу?

– Раны и шрамы? – Человек начал смущенно осматривать себя справа, слева и наконец, не найдя ни одной царапины, ответил: – У меня их нет.

– Насколько твоя жизнь была пустой и бесцельной, если их нет. Неужели на земле у тебя не было ни одного существа, за кого ты был бы готов к самопожертвованию и страданию?! – сказал ангел и закрыл райские двери перед таким ничтожеством.

© Драган Мияилович, 2016
© Л. Зелькович, перевод с сербского, 2016
© ООО «Издательство «Этерна», издание на русском языке, 2016

I

Через полузакрытые жалюзи в комнату проникал светло-желтый свет уличных фонарей. В полутемой комнате раздавалось тихое равномерное детское сопение. За ритмом невинного дыхания внимательно следил коричневый плюшевый мишка с книжной полки, рядом с раскрасками и карандашами. На улице уже безоглядно царила серая осенняя скандинавская ночь. Стоило ветру подуть сильнее, как за окном омытые ледяным дождем голые ветки деревьев с шумом сгибались, рисуя в комнате подвижные тени. Полоска света на миг пробежала по потолку, а потом, скользнув по розовым обоям, задержалась на спящем детском личике.

На румяной щечке четырехлетней девочки тихо спала золотая прядь волос, разметавшихся по отороченной кружевами шелковой подушке, а другая щека почивала в тени на белом тонком запястье.

Девочка невероятно походила на ангела. И имя у нее было – Ангелина. Казалось, что она сошла с одного из полотен Микеланджело, сбежала из хора херувимов перед престолом Создателя и слетела в голубоватую полутень комнатки на периферии Гетеборга.

Надув румяные губки, девочка безмятежно спала, но иногда ее ресницы вздрагивали – кто знает, что она видела во сне. Невинный детский сон – царство без границ, где воз-

можно все, о чем ни пожелаешь, где и невозможное возможно, где все чисто и гармонично, особенно если дети отходят ко сну на волнах сказки и нежных колыбельных песен.

Ангелине никогда не рассказывали сказок, не пели колыбельных.

Она сама себе придумывала сказки, глядя перед сном в звездное небо на потолке над своей кроватью. Однажды, а такое случалось нечасто, мама вернулась из города в хорошем настроении, неся под мышкой упаковку самоклеящихся флуоресцентных пластмассовых звезд:

– Ангелина, смотри, что тебе мама купила!

– Что ты мне купила? – Девочка с любопытством посмотрела на нее большими голубыми глазами, нетерпеливо пытаясь открыть пластмассовую коробку.

Взобравшись на стол, хрупкая молодая женщина, возраст которой нелегко было определить – где-то между двадцатью и двадцатью пятью годами, – в каком-то детском восторге распределяла по потолку и приклеивала серебряные звезды, предварительно освобождая их от пленки, в которую они были упакованы.

Клочки тонкой пленки, словно снежинки, летали по комнате, подхваченные дуновением легкого ветерка.

– Мама, смотри, падает снег! – восторженно смеялась девочка.

В детской памяти такие моменты не стираются и остаются навсегда запечатленными в прекрасной мозаике самых доро-

гих воспоминаний. Они сопровождают детей в течение всей жизни, чтобы потом, в будущем, когда на них свалится груз житейских забот, страданий и разочарований, у них было спрятанное сокровище, способное заменить серость и грубую банальность будней.

– Ангелина, подай мне ножницы!

– Вот, мама, возьми.

– Куда нам наклеить эту звезду?

– Туда, слева, к стене.

– А месяц?

– Тут, над моей головой, – радостно восклицала девочка.

Серебряный серп месяца был поставлен точно на место, которое определила Ангелина, и все напоминало невинную детскую игру, которой наслаждались обе. Большая девочка – мама, увлеченная игрой, приклеивала звезды все быстрее, а маленькая девочка – дочка радостными возгласами одобряла каждое действие матери.

Потом они долго танцевали посреди комнаты, держась за руки, кружась по маленькому синему ковру, все быстрее и быстрее, а их звонкий смех волнами перекатывался через открытое окно на улицу, освещенную солнцем.

Пока девочка спала блаженным детским сном, в соседней комнате за кухонным столом сидели ее родители. Их мучили совсем другие заботы. Отец, худощавый, ширококостный мужчина, с изможденным, небритым лицом, невысокий, буквально на пару сантиметров выше матери, резким дви-

жением поднялся из-за стола и нервно стал расхаживать по кухне:

– Ивана, с кем я живу! Хочешь дозу, а сама ничего сделать не можешь. У тебя был целый день, чтобы найти немного порошка, а ты дождалась полуночи! Где сейчас его искать?! Можешь названивать до завтра, ничего у тебя не выйдет.

– Заткнись! – Она посмотрела на него пустым взглядом, в который раз набирая номер телефона.

– Алло!

– Это ты, Томас?

– Да, это Томас. Дежурный стригаль заблудших овец. Спаситель мертвых!

– У тебя есть немного?

– Зависит – чего?

– Ты отлично знаешь. Прошу тебя, помоги мне. У меня ломка такая, что можно сойти с ума, я больше выдержать не могу.

– Ладно.

– Я тебе этого никогда не забуду! Да. Приедем через полчаса. – Она победоносно посмотрела на Стефана. – Вот тебе, засранец, кто ни на что не способен! У меня есть друзья, а твои где? – Ивана ликовала.

– Молодец! – оживился Стефан.

– Приготовь Ангелину, мы не можем оставить ее одну.

Они, как фурии, влетели в комнату, в которой спала девочка. Ребенок лежал, отвернувшись лицом к стене. В

невинном детском сне девочка пукнула. Маленькая, дивно вылепленная ступня высунулась из-под одеяла.

– Ангелина, быстро вставай, нам надо пойти в одно место!

Девочка в ответ свернулась калачиком, втянув обнаженную ногу под теплое одеяло.

– Ну, давай же, вставай, мы недолго, быстро вернемся.

– Пусти меня, я хочу спать, – в дремоте просил полуразбуженный ребенок, пока мама торопливыми движениями натягивала ей поверх пижамы цветной джемпер.

С обуванием дело обстояло сложнее, поскольку ребенок безвольно повис, опустив расслабленную ножку, на которую отцу никак не удавалось натянуть ботиночек.

– Ради бога, что ты так разомлела, как идиотка?

– Я хочу спать, – умоляющим голосом Ангелина пыталась дать им понять, как сильно она хочет вернуться назад, в постель.

– Будь хорошей девочкой, папа купит тебе игровую приставку «Нинтендо».

– Как ты купишь, когда у тебя никогда нет денег?

– Будут! Завтра один человек вернет мне долг. Пошли…

По пустынным ступенькам дома, жильцы которого уже давно спали, эхом раздавались спешные шаги несчастной семьи, которая, кто знает, по чьей вине или по чьей прихоти, свернула в жизни на кривую дорожку в никуда. Входная дверь с треском захлопнулась за ними, пропустив их в серую, дождливую ночь. Отец, натянув на голову капюшон, нес ре-

бенка на руках к машине, мать трусила рысцой за ними.

– О, черт побери, я забыл ключ!

– Где твои мозги, осел! – огрызнулась мать.

– Подержи Ангелину, я быстро.

Девочка прижалась к матери, ища теплого укрытия. Мелкий дождь, подхваченный ветром, капал на лицо девочки.

– Вы меня вообще не любите, – капризно шептала она, все крепче прижимаясь к материнскому плащу.

– Мы тебя любим. – Материнский голос слился с шумом проезжающего мимо автомобиля, который пронесся по луже рядом с тротуаром и обрызгал их ледяной водой.

– Кретин! – выругалась молодая женщина вслед стремительно умчавшемуся за поворот лихачу.

– Смотри, мама, что он мне сделал, – заплакала Ангелина.

– Высохнешь, мы быстро вернемся.

В этот момент подошел Стефан с ключом от автомобиля.

– Залезайте! – крикнул он, пропустив их на заднее сиденье, и нажал на газ.

На пустынных улицах почти никого не было. Иногда какой-нибудь запоздалый прохожий, втянув голову в воротник, торопился поскорее спрятаться от ледяного дождя, который, казалось, пробирал до костей, под защиту своего дома.

Порывы ветра гоняли сухие листья. Желтый свет уличных фонарей болезненно и бессильно пробивался сквозь густую голубоватую изморось, отражаясь на мокром асфальте.

В машине было холодно. Еще неделю назад Стефан заметил, что в его старом «опеле», которому уже давно было место на свалке, не работает печка. За неимением денег он не обращал на это внимания. Проблема была в лобовом стекле, оно часто запотевало изнутри, поэтому Стефану приходилось постоянно протирать его правой рукой, а левой – придерживать руль. Где когда-то было радио, торчали вырванные провода. Стефан был должен за последние две дозы героина, но искусно избегал встречи с местными наркодилерами, однако они подкараулили и влепили ему пару тумаков. Пытаясь согреться, девочка прижималась к матери, положив маленькую золотистую головку на ее плечо.

– Мама, мне холодно. – Она почти стучала зубами, чувствуя, как колючие мурашки холода ползут по спине вверх, к кудрявым прядям волос.

– Потерпи, сейчас уже приедем, – подбадривала ее мать.

Вскоре они добрались до Гордстена[1].

– Пойдем вместе, – сказал Стефан.

– Видишь, я тебя не обманула, – добавила Ивана. – Сейчас согреешься.

Ангелина не произнесла ни слова. Она послушно шла между ними, устало наблюдая, куда ее ведут. Стефан нажал на звонок входной двери.

В дверном проеме Ангелина увидела рыжего толстого мужчину, который одним своим видом вызвал у нее чувство

[1] Один из микрорайонов Гётеборга. – *Здесь и далее прим. пер.*

неприязни, и она еще сильнее прижалась к матери. Над животом, обросшим желтоватыми вьющимися волосами и волнообразно свисающим поверх кожаного ремня, была закатана наверх серая хлопчатобумажная майка. С крупного накачанного плеча, разинув пасть и высунув язык, насмехался наколотый зеленый дракон.

– Смотрите, кто к нам пришел! Семейка списанных в полном составе! Заходите!

Они прошли вслед за мужчиной с коротко остриженным затылком в полутьме коридора в гостиную. Тяжелый запах алкогольных испарений, пота и сладковатый аромат марихуаны до краев наполнили задымленную комнату. На полу лежали разбросанные газеты, банки от пива и пепельница, полная окурков. На диване, заваленном тряпьем, сидели неподвижно, подобно гуру, двое молодых людей со стелянным взглядом.

– Привет, Стеф! – обратился один из них к Стефану, протягивая длинную худую руку.

– Привет!

– На что тебе здесь эта малявка? Не рано ли она начала?

– Готовь ее к «Гиннессу»[2], – добавил другой, сминая костлявыми пальцами пустую алюминиевую банку.

– Малышка-вундеркинд.

– Ты мог отправить Ивану одну, а сам бы остался в своей берлоге и смотрел за ребенком, – загромыхал Томас, шлеп-

[2] Знаменитое ирландское тёмное пиво.

нув Ивану по заднице. – Не бойся, ничего страшного с ней бы не случилось. Она выносливая.

– Дурак! – Ивана оттолкнула дерзкую руку.

– Ну что ты возмущаешься? Попка – не мыло, не смылится. Осталось бы и для него. Впрочем, он больше уже и не может. Разве не так? Признайся, – поддразнивали они Стефана и хохотали.

– Мама, я боюсь! – Девочка прижалась к матери, интуитивно чувствуя, что беседа с этими грубыми людьми ни к чему хорошему не приведет. Ангелина смотрела на троих мужчин с осуждением и страхом, давая им ясно понять, какие чувства они у нее вызывают.

– Смотри, как насупилась. Должно быть, ты делал ее в состоянии абстяги[3], – смеялся Томас, указывая на свободное место, где они могут расположиться.

– Мама, когда мы пойдем домой? Я боюсь, – шепнула матери на ухо девочка.

– Тебе нечего бояться, это наши друзья.

– Они нам не друзья. Смотри, какие они! – упорно настаивала Ангелина.

В душах маленьких детей есть встроенный защитный механизм, с помощью которого они интуитивно и безошибочно отличают хороших людей от плохих. Сияющим ясным взглядом они ищут человека среди взрослых. В чьих глазах они угадывают доброту и душевную гармонию, к тому бросают-

[3] Абстиненция, синдром отмены наркотика.

ся в объятия, а кого-то с недоверием избегают. В сердце, как на точнейших весах, дети взвешивают, кто и в какой мере достоин их доверия.

– Чего желают господа? – постукивая пальцем о стол, спросил у них Томас.

– У тебя есть немного белого[4], чтобы разогнать эту скуку?

– Есть! Доставай капусту[5].

– Вот тебе двести крон.

Стефан вытащил из кармана две смятые банкноты и протянул их дилеру. Тот взял их и бросил на стол. Одна отлетела на пол к пустым банкам и паре черных грязных носков.

– Что это? – Томас смотрел на него повелительно и с презрением, гримаса отвращения появилась на одутловатом, изрытом оспинами лице.

– Подожди до завтра. Завтра мне один человек вернет долг.

– Пошел вон, прохвост!

– Послушай меня!

– Не хочу тебя слушать. Завтра, когда «один человек» вернет тебе долг, позвони мне. А сейчас подбери эту мелочь, и чтобы я тебя здесь больше не видел. Подбирай, кому говорю!

Стефан нагнулся, чтобы поднять банкноту, и в этот мо-

---

[4] Белый – так наркоманы называют, как правило, очищенный героин или морфин, в противовес «черному» – опию-сырцу (ханке). Также это название относится к любому другому чистому наркотику (в виде белого порошка) – кокаину, эфедрину, амфетамину.

[5] Капуста – так на воровском жаргоне называют деньги.

мент громила пнул его сзади ногой. Несостоявшийся покупатель, потеряв равновесие, упал под стол, ударился головой о нижнюю перекладину стола и ободрал нос.

– Томас, ты ненормальный! – вскочила с криком Ивана, схватив его за мясистое запястье.

– А ты, засранка, сиди, пока и тебе не влетело. – Он оттолкнул ее назад в ободранное кресло, с которого она только что пыталась подняться.

Перепуганная Ангелина всхлипывала, вся дрожа. Два чистых ручейка слез лились по ее щекам. Эти люди в прокуренной комнате, из которой их выгнали на улицу, не стоили невинных детских слез.

II

Мария Савич жила в двухкомнатной квартире на Дорчоле[6], одна с дочерью Иваной, едва сводя концы с концами и борясь за выживание. Ей было нелегко, но она как-то выходила из положения. Ее муж, Алекса, сразу же после развода, в поисках куска хлеба оказался в Гетеборге. Найдя работу и квартиру, познакомился со шведкой Линдой, которая была намного моложе его, с ней он жил в гражданском браке, и она родила ему сына. Разница в возрасте, разногласия, когда его балканский темперамент не сочетался с ее скандинавским, и все более частые отлучки из дома привели к тому, что их пути разошлись.

Линда переселилась в Карлштадт[7], а он остался в Гетеборге. Дни казались похожими один на другой, не считая ежегодных отпусков, когда он приезжал в Белград. Каждый день, утром, он уходил на работу, а вечером встречался с земляками в клубах и кафе, где они боролись с ностальгией и забывали о ежедневных проблемах, заливая их виски и замечательным пивом «Карлсберг». Неудовлетворенность жизнью и монотонность будней казались ему неразрешимыми проблемами, поэтому он много пил.

---

[6] Название одного из районов в центре Белграда, столицы Сербии.

[7] Город и порт в Швеции на берегу Балтийского моря.

В середине июля, по дороге в Бело-Поле[8], откуда был родом, Алекса появился в Белграде, чтобы ненадолго увидеться с дочерью. Каждый год он удивлялся, насколько она выросла и изменилась. Смотрел на нее и не понимал, что жизнь проходит быстро, а детство длится так недолго.

– Ивана, это твой отец. Обними его, не бойся, – сказала ей Мария ледяным голосом, свидетельствующим, что все чувства к нему она давно похоронила.

Дочка, смущаясь, смотрела на него исподлобья, держалась за спинку стула и не решалась подойти.

– Это тебе! – Он протянул ей красиво упакованный подарок. Но ее руки не взлетели навстречу яркой подарочной обертке, а остались крепко прижатыми к стулу.

Алекса взял ее на руки и поднял высоко над головой. Она не ответила на поцелуй, но улыбнулась краешком губ.

– Ты не рада папе?

– У меня нет папы! – в тот день она больше ничего не сказала, до самого ужина. Он пробыл у них недолго, двери за собой закрыл необычайно тихо, как будто извинялся или стыдился.

Когда вуаль первых сумерек накрыла оконные проемы, Ивана легла на диван, положив голову на колени Марии, и тихо, с какой-то хрустальной грустью в голосе, очень серьезно спросила мать:

– Мама, а он правда мой папа?

---

[8] Посёлок на юге Сербии.

– Да, счастье мое. – Ивана почувствовала, как мамины пальцы гладят ее по затылку.

Семнадцать весен и зим пролетело, и Ивана превратилась в стройную черноглазую девушку, ей вслед оборачивались молодые люди, желая обратить на себя ее внимание. Все чаще она стала пропадать из дома и общаться с сомнительными типами, ежедневно устраивая словесные баталии с матерью. И вот однажды, с адресом отца в руке, с небольшим туристским рюкзаком за плечами, ниоткуда и без предупреждения она появилась перед дверями квартиры отца в Гетеборге. На ее настойчивый звонок никто не ответил, поэтому она позвонила в соседнюю дверь. Небольшие познания в английском языке позволили ей понять, что Алекса, вероятно, на работе и вернется только после пяти вечера. Ивана достала из рюкзака последний оставшийся бутерброд, поела и стала ждать. Ожидание казалось бесконечным. Всегда, когда мы кого-то ждем, минуты текут еле-еле, время останавливается, переходя в состояние покоя, и, следя за медленным передвижением стрелок на часах, мы начинаем понимать глубину своего бессилия и вкус одиночества. Когда сумрак обнял своими темными лапами двор перед домом, почувствовав, как холод забирается под майку и щекочет бока, Ивана вошла в дом и села на ступеньки перед квартирой Алексы. Где-то около половины десятого хлопнула входная дверь подъезда и послышался стук шагов, поднимающихся наверх. Она сразу же

почувствовала, что это он. Сначала появилась его макушка с уже поредевшими волосами и почувствовался легкий запах спиртного, потом – крупная мозолистая рука, держащаяся за перила, и, наконец, его удивленный взгляд.

– Здравствуй, папа!

– Ты? Ивана! Ты откуда?

– Вот, приехала. Ты мне нужен.

– С кем ты приехала?

– Одна. На поезде, через Будапешт и Прагу.

Он обнял ее. Его жесткая щетина обожгла лицо. Девушка ощутила какой-то кисловатый запах. От него пахло трактиром и женщинами. Запах душил ее, она почувствовала какую-то тошноту в желудке, какое-то неприятие, но ничего не сказала. Ивана не таким его себе представляла.

– Пожалуйста, заходи!

Он открыл дверь и вошел первым. Квартира была запущена, в страшном беспорядке. Через приоткрытую дверь она увидела, что на полу стоит пепельница, полная окурков, валяется несколько счетов и какой-то порнографический журнал, который Алекса поднял вместе с перекинутыми через спинку дивана брюками и отнес в ванную.

– Прости за беспорядок. Я утром проспал, побежал на работу, не успев прибраться в квартире. Почему ты не сообщила мне, что приезжаешь?

– Хотела сделать тебе сюрприз.

– На сколько ты приехала?

– Я не планирую возвращаться. Остаюсь у тебя.

– Как ты себе это представляешь? А что на это скажет мама?

– Мне семнадцать лет. Скоро я буду совершеннолетней. Моя жизнь – это моя жизнь, и мне решать, как ее прожить. С Марией жить я больше не могу. Она мне не верит, постоянно следит за мной: чем я занимаюсь, с кем дружу, устанавливает мне правила, когда можно выйти и когда вернуться домой, будто я маленькая. Знаешь песню: «Правила, правила, вы меня достали, да…»

– Хорошо, Ивана, но она – твоя мать. Она должна заботиться о тебе.

– Папа, ты хорошо знаешь, какая она зануда. Если бы это было не так, ты бы от нее не ушел.

– Чем она занимается?

– Устроилась на работу в кафе напротив футбольного стадиона.

– Она одна?

– Думаю, что нет. Время от времени встречается с каким-то тренером молодежной команды.

– Извини, я не спросил тебя, ты голодна? Хочешь есть?

– Можно. Проголодалась, пока тебя ждала.

Пока Ивана мыла оставшуюся со вчерашнего дня посуду, Алекса приготовил ей омлет с сосисками и поставил на стол.

– Старик, мне пришла в голову одна идея. Это знаменательный день. Если я когда-нибудь напишу книгу, она будет

называться «Первый ужин с отцом»! Класс! А?

В течение нескольких следующих дней Алекса в полицейском управлении и миграционной службе получил все необходимые бумаги и разрешение на временное пребывание для дочери и записал ее на интенсивный курс шведского языка.

Когда август приблизился к зениту и на аллеях стали желтеть первые листья, напоминая о скором приближении осени, Ивана пошла учиться в техникум. Она была сметливой девушкой и очень быстро вписалась и в компанию, и в учебный процесс, хотя большого рвения к занятиям не проявляла. Благодаря тому что во время уроков она была сосредоточенна и внимательно слушала, что говорят преподаватели, дома выполняла только обязательные задания. Отец возвращался с работы довольно поздно, а день казался необычайно длинным, поэтому его надо было чем-то заполнить. Ивана все чаще проводила свободное время с компанией на Авеню[9] и в большом торговом центре рядом с железнодорожным вокзалом. Она покрасила волосы в белый цвет с фиолетовыми прядями, красивой формы пупок украсила пирсингом с искусственным хрустальным камнем.

Тут, в «Фемане», за несколько дней до рождественских праздников, она познакомилась со Стефаном. Он был старше ее на несколько лет и носил шикарную куртку «Дольче и Габбана». Она как раз прикуривала сигарету, когда он к ней

[9] Авеню – центральная улица Гётеборга, променад, местная достопримечательность со множеством магазинов, пабов и ресторанов.

подошел.

– Можно и мне огоньку?

Молча она протянула зажигалку, смерив его взглядом с головы до пят. Черноволосый, невысокого роста, но привлекательный и полный какой-то внутренней энергии, он показался ей интересным.

– Ты не представляешь себе, как меня привлекают девушки, которые курят «Принц»!

– Почему?

– Потому что они – принцессы, – сказал он ей, улыбнувшись. – Можно пригласить тебя куда-нибудь выпить?

– Если ты угощаешь, я не смогу тебе отказать, – ответила она с загадочной улыбкой.

Они вошли в небольшое кафе на углу. Стол у окна был свободен, как будто заказан специально для них.

– Как тебя зовут?

– Ивана.

– А меня – Стефан.

– Где ты живешь?

– В Хьельбу[10]. А ты?

– В Бископсгордене[11].

– Чего желаете? – прощебетала над их головами официантка.

– Фруктовый коктейль, – ответила Ивана.

---

[10] Предместье Гётеборга.

[11] Иммигрантский район в предместье Гётеборга.

– А мне – эспрессо американо, – заказал Стефан.

Девушка внимательно наблюдала за ним, пока он без устали рассказывал о себе, о своих взглядах на жизнь и на людей, радуясь, что встретила такого интересного человека, который помог скрасить монотонность зимнего серого дня. «Как непредсказуема жизнь: еще пять минут назад мы и не подозревали о существовании друг друга, а теперь, смотри, он открывается передо мной, как на исповеди. Интересный тип», – мысленно заключила Ивана.

– Хочешь, я покажу тебе свою дыру?

– Не сегодня. Мне надо домой. Есть дела.

– А на праздники? Я организую рождественскую вечеринку. Обещаю, будет кул[12]. – Он был настойчив.

– Ладно! Договорились.

Так все и началось. В Сочельник город был укутан в торжественную белую мантию. Весь день снежная мука, разносимая ветром, сыпалась, как из дырявого мешка, и покрывала улицы.

Под сапогами Иваны поскрипывал снег, расстояние от автобусной остановки до квартиры Стефана она измерила мелкими шажками.

– Я знал, что ты придешь, – он не скрывал радости, что видит ее.

– Как ты знал? Я могла бы и не прийти.

– Принцессы всегда выполняют обещания.

---

[12] От английского *cool*, что на сленге означает «классно, круто».

Несколько молодых людей и девушек танцевали под мелодию, льющуюся из магнитофона, ритмически покачиваясь в такт музыке. Девицы измерили новенькую любопытными взглядами.

– Народ, я хочу вас познакомить. Это Ивана.

Первой к ней подошла длинноногая блондинка, на голову выше ее, худая, как сушеная вобла.

– Я – Сара. Добро пожаловать в Компанию списанных.

– Почему в Компанию списанных?

– Хочешь ликер? «Бейлис»?

– Можно. Спасибо.

Рукой с черными накрашенными ногтями Сара протянула ей стакан с ликером.

– Ты в схеме со Стефаном?

– Не понимаю. В какой схеме?

– Трахаешься с ним?

– Да нет, как тебе такое взбрело в голову?!

– Знаешь, лучше хоть какой мужик, чем никакой. А он вообще-то неплох, поверь мне.

В этот момент подошел Стефан и пригласил ее на танец. Он тесно прижался к ней, и она чувствовала теплоту его тела, ей это нравилось. Запах его одеколона «Армани» смешивался с сигаретным дымом, а приглушенный свет в комнате давал ощущение тепла и интимного расслабления. После обеда все расселись по креслам и принесенным из кухни стульям.

– Настало время десерта, – смеялся Петер Палмгрен, до-

ставая из карманов куртки какие-то свертки. – Можете, по желанию, лакомиться, летать или пастись. Есть сладости, белое и травка. Каждый выбирает по душе.

– Стефан на спиде[13], а ты? – шептала ей на ухо Сара.

– Я – иногда джойнт[14].

– Ты как тот воробей, который ничего не чувствовал, – захихикала Сара.

– Какой воробей?

– Сейчас услышишь. Фугашили[15] медведи под дубом на опушке леса. Увидел их воробей, таких расслабленных и веселых, и начал просить, чтобы и ему дали один джойнт попробовать. Ему дали, а он затягивается и затягивается. «Что чувствуешь? – спросили у него медведи, когда он закончил. – Ничего? Как это ничего?» – удивились медведи и дали ему еще один. Выкурил воробей, успокоился, смотрит в пустоту. «А что сейчас чувствуешь?» – «Ничего». – «Как ничего?» – удивляются медведи. «Ничего! Ни клюва, ни ног, ни крыльев – ничего!»

Комнату разорвала громоподобная волна смеха. Петер из пакетика доставал ароматную травку, предлагая Иване взять первой. Сара щелкнула зажигалкой, Ивана сделала первую

---

[13] От англ. *speed* (скорость) – на сленге наркоманов название для амфетамина (фенамина).

[14] От англ. *joint* (скрутка) – на сленге наркоманов «папироса, сигарета или самокрутка, наполненная курительным наркотиком».

[15] На сленге наркоманов означает «курить марихуану, гашиш».

затяжку, и сладкий запах марихуаны смешался с ароматами духов, алкогольных испарений и пота.

Несколько из них сидели на полу рядом с чем-то, что напоминало кальян. С откинутыми назад головами, втягивая дым до глубины легких, они передавали друг другу трубку, насаженную на длинный шнур.

– Хочешь попробовать? – Петер протянул ей трубку.

– А это не опасно?

– Ничего более безобидного я не мог бы тебе предложить. Возьми, не бойся.

Она послушалась и села рядом с Петером. К ним присоединился и Стефан, сев над ней и обняв ее ногами. Она зачарованно ждала, что с ней произойдет. Ничего не происходило, только казалось, что эта ночь длится бесконечно долго. День Рождества уже перевалил далеко за полдень, когда она проснулась. Первое, что увидела, была ладонь Стефана, лежащая на ее нагом бедре. Вчерашняя веселая компания лежала на полу кто где успел. Петер Палмгрен невозможно храпел, перекинув босую ступню через Сарину руку, блестящую черными лакированными ногтями.

III

На шестой день рождения бабушка Мария приготовила для Ангелины скромный праздник, на который пригласила нескольких своих подруг и троих соседских детей, с которыми чаще всего играла Ангелина. На красиво украшенном торте весело мерцали шесть маленьких стеариновых свечек, их блеск отражался в нетерпеливых детских зрачках.

– Где Ивана? – спросила тетя Магда, бабушкина соседка, жившая этажом ниже.

– Сказала, что придет в два. Сейчас уже полчетвертого. Больше ждать не будем, – ответила Мария, поставив торт на стол. – Давай, Ангелина, душа моя, задувай свечки!

Девочка полной грудью вдохнула воздух, язычки пламени наклонились в сторону. Комната наполнилась веселыми детскими голосами.

– С днем рождения! – Все громко смеялись, обнимая Ангелину.

Лето было на исходе, теплые солнечные лучи приятно ласкали тех, кто предавался этому удовольствию, поэтому женщины вышли на балкон попить кофе и поболтать, предоставив детям всю квартиру целиком, чтобы они могли вдоволь наиграться. Дети с криком бегали наперегонки, догоняя друг друга, отдавшись волшебству игры, никем не одергиваемые, зная, что толстая Магда, живущая снизу, занята разговором

с другими женщинами на балконе. Пол трещал под их ногами, дети шумели и не заметили, как приоткрылась дверь, впустив Ивану с небольшой, красиво упакованной коробочкой под мышкой.

– Мама! – Запыхавшаяся, с лучиком солнца в светлых волосах цвета спелой ржи, полетела к ней в объятия Ангелина.

– С днем рождения!

Нежная печать от губной помады осталась на щеке девочки.

– Что ты мне купила?

– Открой подарок, увидишь!

Ангелина проворно сняла упаковочную бумагу, оценила подарок и вопросительно посмотрела на мать грустным взглядом неоправдавшегося ожидания.

– Что это, мама?

– Это книга «Пеппи Длинный чулок».

– Почему ты мне не купила приставку «Нинтендо»? Помнишь, ты мне обещала.

– У меня не было денег.

– Я знала, что так будет!

– Давай играть, я завтра одолжу тебе свой «Нинтендо», – потянула Ангелину за рукав Тея, девочка с крупными миндалевидными глазами, с которой они вместе ходили в детский сад.

В то же время на балконе проходил желчный разговор. Толстая Магда, съев второй кусок торта, соскребала крем с

синего фарфорового блюдца, доверительно говоря хозяйке:

– Дорогая моя, да поможет тебе Бог. Нелегко тебе. Я тебя полностью понимаю. Если бы речь шла о моем ребенке, не знаю, что бы я сделала.

– У меня душа болит за Ивану! Я все испробовала, не помогает. Даю советы, а ей в одно ухо влетает, в другое вылетает. Прошу, умоляю, она сегодня послушает, а завтра снова все по-старому. Больше верит тому идиоту, чем мне.

– Все наркоманы одинаковы. За наркотик продадут и отца, и мать. На все готовы пойти. Пару дней назад в нашем доме обокрали подвал. Посрывали замки и все, что было ценного, унесли. Мы подали заявление в полицию, все знают, что это дело рук Стефана или он стоит за всем этим, но полиция ничего не предпринимает.

– Мой сын на прошлой неделе в пять утра, когда шел на работу, видел его на автобусной остановке в Хьельбу, под наркотиками, замертво лежащим на скамейке.

Приоткрыв дверь на балкон, Ивана улыбнулась им лепестками обведенных помадой губ. Застигнутые врасплох, женщины онемели, слова застыли в воздухе. Секунду, как замершие гусыни, они седели на плетеных стульях, держа в руках чашечки с кофе, пораженные, неуверенные, что и сколько из сказанного дошло до уха Иваны.

– Добрый день, тетя Магда! Добрый день, госпожа Ева! Здравствуй, мама!

– Добрый день, куколка! Мы так рады тебя видеть!

Все натянули на лица маски сердечности и пытались скрыть неприятность момента. Ивана мысленно представила себе картинку, как толстая Магда мучается, пытаясь натянуть тесную маску на свое оплывшее и покрасневшее, как свекла, лицо, и это рассмешило ее до слез.

– Вижу, здесь заседает Триумвират. Разрабатывает план покорения Карфагена.

– Где ты была до сих пор? – спросила ее мать с нотками укора в голосе.

– Я не могла раньше. У меня были дела.

– Может, ты устроилась на работу? – выпустила стрелу госпожа Ева.

– Нет, но я ищу работу, – ответила Ивана, делая вид, что не замечает интонацию вопроса.

– Дитя, приди в себя. Держись подальше от своего пройдохи. Он тебя погубит.

– Есть и хуже, но с полным уважением должна сказать, что вас это вообще не касается. Моя жизнь – это моя жизнь, и у вас нет права копаться в ней. Смотрите за своими детьми.

– Ивана! Так нельзя говорить со старшими, – повысила тон Мария, чувствуя себя неудобно перед гостьями.

– Тогда продолжайте ваши сплетни. Вижу, что я здесь – лишняя, – ответила им Ивана, захлопнув за собой балконную дверь.

Солнце, похожее на огромный апельсин, догорало на западе, а свежая прозрачная изморось опустилась, как голубо-

ватое кружево, на опустевший двор, где, ведя тихий разговор, обиженные соседки провожали уходящий день. У каждого дня свои заботы.

На шестой день рождения, помимо подарка от мамы, Ангелина получила еще несколько игрушек, а от бабушкиных подруг восемьсот крон. Девочка уже была достаточно большой, чтобы понимать ценность денег, и знала, что если откладывать, то на сэкономленную сумму можно купить что-то более дорогое или исполнить какое-нибудь желание. Уже в раннем детстве она осознала, что у желаний есть своя цена и их исполнение зависит от количества имеющихся в твоем распоряжении денег. Когда гости разошлись, она, закрывшись в своей комнате, в задумчивости пересчитывала купюры, ощущая гладкость банкнот, скользящих под ее пальцами.

– Раз, два, три… восемь, – Ангелина складывала купюры одна на одну, улыбаясь и, кто знает, о чем мечтая.

– Бабушка! Сколько еще надо, чтобы купить «Нинтендо»? – Ангелина каждый день пробегала расстояние в триста метров, разделяющих бабушкину и мамину квартиры. Она жила то у одной, то у другой, но в основном ночевала у бабушки, которая стремилась уберечь и спасти внучку, насколько это возможно, горько переживая и страдая за дочь. Со страстным желанием исправить все то, что упустила, воспитывая дочь, она всю себя отдала внучке, максимально посвящая себя этой цели. Для Ангелины Мария была и мате-

рью, и отцом, и воспитателем, и учительницей, и подружкой, и бабушкой, одним словом – всем. Она ухаживала за ребенком, как курица за цыпленком, обнимая и простирая над ней руки, защищая от непогоды и зла, умирая от страха, что какой-нибудь черный коршун – порок неизвестного происхождения – может неожиданно налететь откуда-то и унести девочку туда, откуда нет возврата, как это случилось с ее родной дочерью.

Ребенок связывал ее тонкой ниточкой со смыслом жизни. Оберегая и воспитывая девочку, она втайне надеялась, что золотоволосая внучка каким-нибудь своим поступком или словом, подобным чуду, в ближайшем будущем спасет и свою мать, ее дочь, за которую она так переживала. Мать ясно чувствовала и давно понимала, что только чудо может спасти ее единственную дочь. Мария перебирала воспоминания из прошлого и искала ответ, где и когда была допущена ошибка. Ежедневно бдительным оком бабушка следила за внучкой, когда та играла во дворе перед домом. И если она была занята какими-то делами по кухне и слышала, как Ангелина ссорится с детьми у качелей или плачет, то сразу же все бросала и вылетала на балкон.

– Ангелина, что случилось?

– Михаэла не дает мне качаться!

– Не надо ссориться, – успокаивала бабушка. – Сейчас я вам обеим принесу горячих ватрушек с шоколадом.

Каждое утро она провожала внучку в садик, а после обеда

перед калиткой терпеливо ждала, когда та появится на ступеньках.

Через несколько дней после празднования дня рождения Ангелина прибежала к квартире матери и, запыхавшись, постучала в дверь. Она, как ласточка, залетела в квартиру, защебетав радостным голосом:

– Мама, смотри, что я сегодня получила в саду! Диплом за первое место! Я была самой быстрой в беге, быстрее всех детей!

– Браво, золотце мое! Мама знает, что ты лучше всех.

– А ты, когда была маленькая, тоже была лучше всех?

– Да, дорогая. А сейчас, к сожалению, я больше не маленькая.

– Я так и сказала Михаэле, а она мне не верит. Говорит, что я обманываю. Я ей ответила, что не обманываю, потому что бабушка мне говорила, что обманывать нельзя, и Бог с неба видит, когда мы обманываем. А она снова не верит.

– Да оставь ты ее. Лучше дай я тебя спрошу. У тебя в копилке есть деньги?

– Есть восемьсот крон. Я получила от тети Магды пятьсот и от тети Евы триста крон. А это вместе восемьсот. Бабушка говорит, что, когда у меня будет тысяча, она мне добавит еще пятьсот, и мы купим «Нинтендо».

– Ангелина, я бы хотела тебя о чем-то попросить. Можешь ты сделать что-то для своей мамы?

– Скажи что.

– Одолжи мне пятьсот крон до воскресенья. Мама вернет тебе, честное слово.

– А что тебе надо?

– Я хочу купить новые шторы для твоей и моей комнаты. Сейчас распродажи, а потом они будут дороже. Видишь, какие у нас сейчас плохие.

– Но бабушка сказала, что я не должна их трогать, если хочу «Нинтендо».

– Но это же всего на пару дней. Я дам тебе и эти двести, и у тебя будет на «Нинтендо». Прошу тебя!

– Я спрошу у бабушки.

– Нет, ты не должна спрашивать! Она тебе не разрешит. Возьми из копилки, чтобы она не видела, и не говори, что ты мне их одолжила. А потом ты их вернешь в копилку, и все будет в полном порядке. Она даже не заметит.

Ангелина вернулась к бабушке, выискивая возможность незаметно взять деньги. Она чувствовала, что делает что-то непозволительное и что таким поступком обидит свою защитницу, но сладкое желание поступить именно так возбуждало фантазию девочки. Через незначительный, невинный обман она вступала в изменчивый мир взрослых, желая показать матери, что уже достаточно выросла и может ей помочь. А впрочем, через пару дней деньги будут возвращены на место, и все пройдет неприметно.

С последней полки над мойкой, между металлическими банками с мукой, солью и приправами, ей заговорщицки

подмигивала маленькая глиняная копилка. Боясь, что у нее ничего не получится, Ангелина молча листала книгу, которую Ивана подарила ей на день рождения, одновременно внимательно наблюдая за передвижениями бабушки. А та как раз выносила из ванной корзину с бельем.

– Я иду в прачечную. Скоро вернусь.

Как только дверь захлопнулась, Ангелина быстро придвинула стул, перебралась с него на стол рядом с мойкой, и копилка оказалась в ее руках. Пять ровных купюр нашли приют в теплом кармане ее бирюзово-синего платья. Смущенное сердце, как испуганный воробей, громко стучало, пока она возвращала на прежнее место белый деревянный стул.

На следующий день, как раз было время обеда, Ангелина играла во дворе, когда ее окликнула бабушка:

– Ангелина, время обедать! Немедленно домой!

Девочка уже и сама почувствовала голод и тотчас взбежала по ступенькам. На накрытом столе дымился желтый куриный суп с фрикадельками из манки. Вымыв руки, девочка заняла свое место за столом, оперлась локтями на белую скатерть из дамаста и стала ждать, когда бабушка нальет ей в тарелку супа.

– Ангелина, ты не знаешь, куда делись деньги из твоей копилки?

– Не знаю! – Собственный голос ее выдал.

– Как это, не знаешь?

– Понятия не имею, где они.

– А Ивана вчера или сегодня приходила к нам?

– Нет.

Глаза пристыженно смотрели в пол.

– Тогда говори, где деньги? Я их не трогала, никто к нам не приходил, значит, их взяла ты. Скажи мне честно, что ты сделала с деньгами?

Побледневшая и испуганная, Ангелина упрямо молчала. По бледным щечкам разлился румянец стыда, и она почувствовала, как волнообразно он покрывает все ее лицо, до скул. Пойманная на лжи, она прятала взгляд, неподвижно глядя на белую фарфоровую супницу.

– Посмотри мне прямо в глаза, маленькая врушка, и ответь на мой вопрос! Разве мы не договорились, что обманывать нельзя? Кто обманывает, тот и крадет, а добрый Бог с неба видит все, что мы делаем. Не так ли?

– Если Бог все видит и если он добрый, почему тогда мама несчастна и у нее никогда нет денег? – Ребенок искусно пытался поменять тему разговора.

– Это ее личный выбор, поэтому она несчастна. Только ты меня не заговаривай и скажи, что случилось с деньгами? Итак?

Ангелина снова утратила дар речи. Все попытки Марии склонить ее к признанию остались безуспешными. Она слегка потянула ее за ухо, заглянув в лицо:

– Говори!

– Я дала их маме. Она мне их вернет, – проговорила де-

вочка, разделяя слова на слоги.

– Садись и ешь. Сегодня и завтра ты не выйдешь из дому. Это будет твоим наказанием. Тебе ясно?

Мария взяла полный половник ароматного супа и налила в тарелку, стоящую перед девочкой. На три огромные фрикадельки, вокруг которых плавали золотистые пятна растопленного куриного жира, капали прозрачные слезы Ангелины.

– Я не голодна, – прошептала она себя под нос. Ее слова унес шум ветра с балкона.

Нет ничего более горького, чем слезы обманутого ребенка.

IV

Теплый июльский день уже перевалил за свою половину, когда Ивана начала просыпаться. Сначала в полутемной комнате она почувствовала волны прохлады, которые щекотали ее по оголенной ноге, а потом, открыв глаза, она заметила решетчатые тени дневного света, переливающегося через прорези опущенных жалюзи, создающие на полу зеброподобные узоры. Когда к ней вернулись слух и зрение, девушка почувствовала, как будто что-то придавило душу, тело и волю, не давая ей подняться с постели. Легкая боль в висках заставила ее снова закрыть глаза, но под закрытые веки сон не возвращался. Зажмурившись, она почувствовала бурление в кишках, сначала тихое попискивание, похожее на мяуканье только что родившегося котенка, а потом все более частые завывания и клокот в самой глубине утробы, – ей страшно хотелось есть. Рядом с ней, повернувшись спиной к стене, глубоко дыша, спал Стефан.

– Вставай! Время просыпаться! – Она толкнула Стефана локтем в бок, он лениво повернулся к ней.

Накинув халат, Ивана пошла в ванную умыться. В зеркале встретилась с отражением своего лица, изучающе осмотрела его, будто оно принадлежит кому-то другому, кого она когда-то давно встречала или видела мельком. Ее двойник, вставленный в раму зеркала, ответил ей таким же взглядом.

Белки глаз будто в тумане, прозрачно-бледные выступающие скулы, темно-синие тени под уставшими глазами.

– Боже, на кого я похожа! – вздохнула Ивана, причесав волосы и направившись в кухню. Открыв холодильник, она разочарованно, будто впервые видит подобную картину, рассматривала его внутренности. Он был безнадежно пуст. Кроме трех морковок, пары головок лука и стеклянной банки, на дне которой отражалась желтели остатки персикового варенья, ничего другого, чем можно было бы утолить голод, не нашлось. Подняв крышку хлебницы, она вспомнила, что последнюю горбушку съела вчера вечером на ужин. Голод все больше давал о себе знать, она очистила одну морковку и начала хрустеть оранжевым овощем. Бледная и ненакрашенная, прислонившись к краю мойки, Ивана набила полный рот сладковатой морковкой, но вдруг почувствовала тупую тошноту в животе, поднимающуюся все выше, к горлу, и побежала в туалет, где все из себя вывернула в унитаз.

– Да вставай же, наконец! Видишь, какое время суток?

С трудом ей удалось разбудить Стефана и вытащить его из кровати. Еще сонный, он ленивыми шагами прошаркал к холодильнику, собираясь утолить жажду, но, открыв его, тоже столкнулся с белой пустотой.

– Сока больше нет?

– Ничего больше нет! – ответила ему Ивана. – Мы стали аскетами[16].

---

[16] Аскеты – название это появилось в первые века христианства по отношению

– Я схожу в магазин. Чего-нибудь куплю.

Несмотря на то что было очень тепло, Стефан накинул спортивную куртку, на голову надвинул соломенную шляпу и медленным шагом, еле передвигая ноги, направился в магазин. На улице его окатило волной теплого воздуха, это просто ошеломило его. Жара пульсировала перед глазами, запах раскаленного асфальта лез в ноздри и легкие на всем пути до магазина. Это был самый теплый день в том году. Войдя внутрь, он почувствовал облегчение, потому что в магазине работали кондиционеры. Стефан положил в корзину хлеб, маргарин и маленькую коробку яиц, а потом, внимательно посмотрев, где находятся камеры слежения, и убедившись, что его не видно, взял с полки с мясными продуктами упаковку сухой колбасы и молниеносно засунул ее во внутренний карман куртки. Проходя рядом с большим морозильником с мясом и овощами, посмотрел налево, направо, пропустив впереди себя старушку с тележкой, быстрым движением опытного вора схватил замороженного цыпленка и спрятал его под шляпу. Была суббота, и перед кассой образовалась большая очередь из покупателей, которые используют субботний, нерабочий день, чтобы затовариться продуктами. Терпеливая колонна, похожая на длинную разноцветную гусеницу, медленно двигалась к кассе, и как раз когда уже половина пути была пройдена, Стефан почувствовал головокружение, перед глазами забегали огоньки, похожие на свет-

---

к людям, проводившим жизнь в посте и молитве.

лячков во мраке. Цыпленок под шляпой до такой степени охладил его темя, что он его уже не чувствовал. Надеясь, что все происходящее с ним – временное явление, он продолжил свое медленное движение к выходу. Но когда он был уже пятым-шестым в очереди, его начал пробивать холодный мертвящий пот, его сознание помутилось, и он во весь свой рост растянулся на полу магазина. Продукты из корзинки рассыпались в одну сторону, а шляпа и цыпленок отлетели в другую.

В очереди возникла суматоха, все кто стоял поближе к несчастному, поспешили ему на помощь.

– Помогите! «Скорую»! – кричала испуганная беременная женщина, которая в этот момент как раз выставляла продукты на движущуюся ленту.

– Дайте ему немного воды, чтобы пришел в себя, – добавил господин средних лет в белых теннисных кроссовках, нащупывая у него пульс.

Кто-то из толпы побрызгал ему водой на лицо и шею, и Стефан медленно стал приходить в себя. Сначала он увидел теннисные кроссовки и лес ног вокруг, удивляясь, что это такое происходит и где он находится. Когда к нему вернулось сознание, он не торопясь стал подниматься с пола.

– Сидите и ждите, мы вызвали «скорую помощь», – посоветовала ему кассирша.

– Мне не надо. Все в порядке, – ответил Стефан, направляясь к выходу.

– Ваши продукты! – напомнили ему люди из очереди, подбирая рассыпавшийся товар в корзинку, кто-то подал ему шляпу. Замороженный цыпленок тоже уютно устроился в красной пластмассовой корзинке между маргарином и коробкой яиц.

– Мне они не нужны! – отрезал Стефан и вышел на улицу.

Двадцать пар глаз проводили его с удивлением.

– Что ты принес? – Ивана смерила его вопросительным взглядом, заметив, что он пришел с пустыми руками.

– Вот что! – Он достал из-под полы куртки упаковку колбасы.

– И это все? А где хлеб?

– Ешь без хлеба. Колбаса и так калорийная.

– Рассказывай, что случилось?

– Отстань от меня, чуть голову не потерял из-за какого-то мерзлого цыпленка.

– Какого цыпленка?

– Как оказалось, никакого, потому что я его не принес.

И Стефан рассказал, что с ним случилось, в мельчайших подробностях, вызвав у Иваны чувство болезненного сострадания. А когда он описал полет цыпленка в соломенном гнезде шляпы, они вдвоем смеялись до слез. Волны смеха накатывали на них снова и снова, и они, с настойчивостью заговорщиков, назло тупым завываниям в желудках, на несколько минут забыли о голоде.

V

На маленькой площади перед почтой в Кортедале[17] в тот день было немного прохожих. Воскресенье походило на время сиесты где-то в далеком Средиземноморье, когда все после обеда отдыхают, отдаваясь сладкому блаженству лени и расслабленности, за опущенными жалюзи в своих затемненных домах. В Швеции теплые дни – редкость, пару недель летом, и тогда город пустеет. Выходные дни – это возможность для всех, кто не может поехать на отдых куда-нибудь подальше, выбраться со своими семьями и друзьями на море и на ближайшие озера, которых так много вблизи Гетеборга.

День был теплым, ни дуновения ветра, даже птицы попрятались в густой зелени деревьев со своими желторотыми птенцами, которые чувствовали себя в безопасности под крылом своих пернатых родителей.

На площади, на деревянной скамейке, под липой, лежала, скорчившись, молодая женщина. Она сползла на край скамейки, и, казалось, вот-вот плюхнется в кисловатую лужу под собой: очевидно, ее тошнило.

В зеленоватой луже барахтался на тонких ножках воробей, утоляя голод и радуясь нежданному приобретению. Над молодой женщиной, которая время от времени, когда

[17] Пригородный жилой район Гётеборга.

подступали приступы тошноты, болезненно стонала, наклонилась, подобно ангелу-хранителю, золотоволосая девочка. Она гладила ей волосы, рассыпавшиеся по вымытой дождем скамейке. Вставая на носочки, девочка целовала бледные щеки несчастной и шептала умоляющим голосом:

– Мама, прошу тебя, встань! Пошли домой!

– Ангелина, не могу. Мне плохо. Иди домой и позови папу, пусть он придет. Иди, быстро!

– Я тебя одну не оставлю!

– О! Как мне плохо! Иди, кому говорят!

Старый седоволосый господин выгуливал свою собаку. Пес весело исследовал кусты, растущие по обе стороны парковой дорожки, распознавал запахи предшественников и расшифровывал их негласные сообщения. Потом он и сам поднимал ногу, орошая куст в знак подтверждения и самоличной подписи, что ознакомился с содержанием оставленных записей. Хозяин собаки задумчиво следовал за своим любимцем, с головой уйдя в свои мысли, следуя по лабиринтам воспоминаний из давнопрошедших дней молодости. Вдруг пес дернул за поводок, который выскользнул у мужчины из рук, и, унюхав остатки еды, стремительно рванулся к скамейке, на которой стонала Ивана.

Сделав несколько прыжков, собака оказалась перед Ангелиной, девочка испуганно вскрикнула. Пес только обнюхал ее влажным носом, сосредоточив все свое внимание на воробье, который вспорхнул в воздух, тоже испугавшись неожи-

данного поворота событий. Именно в этот момент он с наслаждением втягивал непереваренные спагетти в свое проголодавшееся нутро. Махая хвостом, пес начал слизывать розовым языком скудные остатки воробьиного пира. Устремившись за собакой со скоростью, которую позволял его возраст, господин, к своему ужасу, увидел, как его любимец с удовольствием облизывает и жадно проглатывает последние остатки зеленых выделений. Испугавшись за здоровье своего дорогого пса, с гримасой гадливости на раскрасневшемся лице, он схватил поводок и достаточно сильно дернул, оттащив питомца от недолгого собачьего пиршества.

Только сейчас мужчина увидел испуганную девочку с окаменевшим от страха лицом. Две мокрые полоски от слез выделялись на бледных скулах. Голубые глаза смотрели на него с испугом и благодарностью одновременно.

– Девочка, почему ты испугалась? Тарзан – очень добрый и ласковый пес. Он никогда никого не кусал.

Ангелина с недоверием и страхом смотрела на собаку, которая всеми силами пыталась вырваться от хозяина и закончить начатое.

– Погладь его, и увидишь, что он ничего плохого тебе не сделает.

Господин взял маленькую ладошку в свою крупную, ухоженную руку, и они вместе погладили блестящую шерстку упитанного далматинца. Только тогда он заметил молодую женщину, которая глубоко вздохнула и еще больше скрючи-

лась на скамейке.

– Малышка, что ты здесь делаешь? Видимо, эта тетя выпила больше, чем нужно. Нехорошо, когда маленькие дети вращаются в обществе алкоголиков, – шепнул он ей, показывая презрительной мимикой знак, что было бы лучше уйти им вместе.

– Это никакая не тетя, это моя мама, и ей плохо, если хотите знать!

Ангелина воинственно защищала мать, предчувствуя, что гроза еще не прошла и к ним подкрадывается какое-то новое несчастье.

– Было бы лучше, если бы вы ушли вместе со своей проклятой собакой, потому что я боюсь и ее, и вас!

– Извини, я не знал, что это твоя мама. Раз так, я готов вам помочь.

– Как вы нам поможете? Можете помочь мне отвезти ее домой?

– Нет, это просто невозможно! Видишь ли, она просто не в состоянии ходить, а у меня сильная собака, ты не сможешь ее удержать. Давай вызовем полицию и «скорую помощь», чтобы ее отвезли в больницу? – Мужчина вытащил из кармана мобильный телефон.

– Пожалуйста, не вызывайте полицию! – По детскому лицу пробежала тень страха. – Только присмотрите за ней, пока я не вернусь. Я пойду быстро и позову папу. Можете так сделать? Прошу вас!

– Ладно, быстро иди за папой.

Только Ангелина приготовилась бежать, чтобы отыскать отца, как перед ней появилась толстая Магда, бабушкина приятельница и соседка, которая несла из магазина два полных пакета еды. Она недолюбливала Ивану, о чем Ангелине было хорошо известно.

– Что здесь происходит? Неужели эта несчастная снова напилась? Бедная ее мать! Лучше бы она родила камень, было бы на что опереться. Она похоронит и себя, и ее и загубит это бедное дитя, – важно отрапортовала она ситуацию хозяину собаки.

Ангелина, густо покраснев, хмуро посмотрела на подошедшую, почувствовав сильное желание чем-нибудь ткнуть в ее толстый живот, чтобы она растянулась во весь рост на каменной дорожке. Но хорошее воспитание, полученное от бабушки, не позволило это сделать. Магда – бабушкина близкая подруга. Девочка сглотнула ком в горле и тихо ответила:

– Мама не напилась. Ей просто плохо. Прошу вас только присмотреть за ней, пока я не приведу папу. Меня уже нет, – и она со всех ног побежала по направлению к дому.

Прошло достаточно времени. Магда максимально использовала его и в деталях рассказала пожилому господину всю биографию Иваны, а девочки с отцом все не было.

– Как вы думаете, что было бы правильнее сделать?

– Мне надо домой, через час нам надо быть у ветерина-

ра. У Тарзана проблемы с пищеварением, а сейчас и это… – господин брезгливо описал собеседнице, как собака лакомилась рвотой.

– Уважаемый господин, вы видите, что она полумертвая. Лучше всего нам вызвать полицию и «скорую помощь».

– Я с вами согласен.

А в это время Ангелина занималась поисками отца. Не найдя его дома, она помчалась в ближайший ресторан, где он часто проводил время в компании друзей. Не найдя его и там, девочка перебежала через дорогу и, запыхавшись, поднялась на третий этаж дома напротив, где жил Бусе Карлсон, с которым дружил отец. Позвонив в дверь и одновременно нажав на ручку, она влетела в коридор и сразу заметила Бусе, развалившегося в кресле в большой комнате, а перед ним на столе – кучу пустых пивных банок и несколько еще не открытых. Он громко разговаривал с ее отцом, казалось, они спорили о спортивных результатах последнего тура футбольного первенства. Язык отца заметно заплетался.

– Папа, маме плохо, ее рвет, она лежит на площади! Помоги мне привезти ее домой, – завопила она от дверей, едва дыша после быстрого бега вверх по ступенькам.

– Зачем ее привозить домой? Пусть возвращается туда, где провела всю ночь. Н-н-н..ам и здесь хорошо. Правда, Бусе?

– Как ты можешь так себя вести? Вставай! – Она потянула

отца за руку.

– Не хочу! Тебе понятно, что я не хочу?

Он вытащил свой указательный палец из ее маленькой ладошки и, взяв пивную бутылку, допил ее до дна. Пенная жидкость с клокотом сливалась в его выпирающий пивной живот, оставляя беловатый след на его небритом подбородке.

– Папа, прошу тебя! – Ангелина, молитвенно сложив руки, судорожно зарыдала. Ее глаза были красными от слез. – Если ты меня любишь, сделай это для меня, приведи маму домой.

– Я тебя… люблю… и поэтому не… приведу маму. Понимаешь? – Затуманенным взглядом он смотрел на нее через горлышко бутылки. – Сиди тут, рядом со своим отцом. – Он толкнул ее, намереваясь усадить на место рядом с собой.

– Папа, мне стыдно. Я стыжусь и тебя, и ее. Вы – не мои родители. Знаешь ли ты, что дети в школе надо мной смеются?

– Скажи ты мне, своему папе, кто над тобой смеется. Я поговорю с их родителями. Получит по роже каждый, кто над тобой смеется. Понимаешь? У тебя есть отец, ты – не сирота. Я им всем покажу! Тебе понятно?

– Тогда пойдем со мной, уберем маму с площади, пока ее не забрала полиция.

– Ты глухая или умственно отсталая? Я тебе уже сказал, что не хочу, и все тут. Каким бы я был мужчиной, если бы нарушал данное слово? Плюнул, а потом слизал? Нет и нет!

– Я тебя ненавижу!

Ангелина резко поднялась и побежала к выходу, хлопнув за собой дверью. Быстрым шагом она поспешила на площадь. Издалека уже заметила, что площадь пуста. Там никого больше не было. Ни пожилого господина, ни пса, ни толстой Магды, ни Иваны. Ангелина села на скамейку и горько заплакала. Ее хрупкие плечи вздрагивали в такт рыданиям, а горькие слезы оставляли след в душе. Откуда-то повеял легкий ветерок и погладил ее по лицу.

VI

В ту ноябрьскую ночь был сильный ветер, нанося на крыши и фонарные столбы мелкий скандинавский снег. Из-за закрытых штор, то здесь, то там, щурились освещенные окна, мерцая, как светлячки, заблудившиеся в снежной ночи и подавая редким прохожим знак, что за ними идет жизнь, спрятанная от любопытных глаз, едва заметная.

В ванне с теплой водой с пеной Ивана купала Ангелину. Теплые облака водяного пара и запах шампуня создавали приятное чувство комфорта, и девочке не хотелось прерывать купание.

– Давай, малышка, выходи. Хватит.

– Мама, пожалуйста, разреши мне еще чуть-чуть.

– Все! Конец! – Ивана спустила воду, вытерла девочку, накинула на нее маленький махровый халатик и на руках отнесла в комнату. Сама легла рядом с Ангелиной, вдыхая запах ее волос.

– Расскажи мне сказку о Маше и медведях.

– Зачем рассказывать одно и то же, когда ты знаешь эту сказку наизусть? Я устала.

– Тогда почеши мне спинку.

Девочка наслаждалась, ощущая руку матери под майкой, чувствуя, как подушечки ее пальцев нежно спускаются вниз по позвоночнику. Она предавалась удовольствию, счастли-

вая от такой близости, уверенная и защищенная. Волны сладкой неги нежно щекотали ее между лопатками, и вскоре, с улыбкой на лице, она уплыла в серебряное озеро невинного сна.

Не прошло и получаса, как Ангелина уснула, когда на входной двери прозвенел звонок. Через «глазок» Ивана, к своему величайшему изумлению, увидела Михайла и Кале, своих знакомых из торгового центра «Феман», которые периодически снабжали ее марихуаной.

– Откуда вы взялись так рано?

– Скорая помощь никогда не опаздывает. Ты одна?

– Одна. Только что уложила малышку.

Пройдя через коридор, они втиснулись в полуосвещенную кухню. Кале достал из пластикового пакета бутылку «Балантайна» и упаковку с шестью банками крепкого пива и все это поставил на стол.

– Что еще есть?

– Гаш[18]… Увидишь, отличный. Марокко!

Михайло открыл бутылку виски. Предложил Иване.

– Я буду пиво! – ответила она, открывая банку. Глядя, как Кале длинными дрожащими пальцами под стеклянным стаканом на гладкой поверхности стола поджигает коричневатую смесь, которая, как пластилин, становится все мягче и эластичнее, заполняя пространство внутри стакана беловатым дымом, Ивана почувствовала сладкое щекотание в жи-

[18] Сокращённое название для гашиша на сленге наркоманов.

воте.

– Дамам – преимущество! – сказал Кале, пропуская ее вперед. Она вдохнула воздух под стаканом, потом еще раз, чувствуя, как туманные испарения наполняют ее легкие, выискивая дорогу к извилинам мозга, проникая в каждую клеточку, наполняя все ее существо обманным счастьем.

– Парни, вы – супер! Сегодня вечером я надуюсь, как маленький шарик, – Ивана почувствовала, как улучшается ее настроение.

– Мы тебя проткнем, чтобы ты не улетела, – громко рассмеялся Михайло, ущипнув ее за щеку.

– Вы опоздали. Это кое-кто уже сделал до вас, – ответила она, уступая место Кале.

– Никогда не поздно, если любишь страстно, – многозначительно подмигнул Михайло, глубоко вдохнув дым.

Ритуал повторили несколько раз, и в хорошем настроении все перешли в гостиную, куда перенесли и напитки. Ивана захватила стеклянную вазу с чипсами. На телевизионном экране заканчивался фильм «Второй шанс» с Николасом Кейджем в главной роли. Фильм их не интересовал, поэтому телевизор выключили. Михайло сел рядом с Иваной, положив руку ей на плечо. Его указательный палец проник через глубокое декольте на ее хлопчатобумажной майке, нежно массируя крупный сосок на ее белой, как молоко, груди. Она схватила его за запястье и убрала руку.

– Что с тобой?

– Ты меня щекочешь.

– Хочешь посексимся?

– Успокойся. Я не в настроении.

– Я всегда выполняю обещания, – сказал Михайло, глядя ей прямо в глаза.

– Я тебе ничего не обещала.

– Я сам себе обещал, что сегодня вечером буду спать с тобой, – добавил он с твердой решимостью в голосе и, заключив ее в крепкие мускулистые объятия, отнес в спальню. Опустив ее на кровать, он прилег рядом, положив свою разгоряченную ладонь на ее оголенное бедро.

– Я не хочу. Ты понимаешь, когда тебе говорят «нет»?

– Когда тебе что-нибудь надо, я всегда тут как тут. Моментально меня находишь, а когда я чего-нибудь хочу, ты делаешь вид, что не понимаешь. Мы – не дети, не будем играть в игры. Снимай трусики!

– Не хочу.

Засунув ей свою крупную ладонь между ног, он ощутил упругость волосков на лобке. Она сжала ноги, но отпор был слишком слабым, чтобы сопротивляться его бычьей силе. Резинка, как тетива, лопнула, больно ударив ее по ягодицам, и белые кружевные трусики спустились по бедрам и полетели через кровать, прямо на гипсовый бюст Венеры на другом конце комнаты. Мертвый гипсовый глаз дочери Юпитера смотрел через разрез белых кружев и стал немым свидетелем, как оскверняется любовь, самое святое чувство, по-

даренное человеку для счастья.

Было совершенно очевидно, что еще одна убогая ночь их несчастных жизней должна пройти, и Ивана перестала сопротивляться, раздвинув ноги. В полумраке Иваниной спальни Михайло с инстинктом самца бросился в тесный проход между ее ног. А потом в комнату прокрался, включив лампу на ночном столике, Кале, голый, как мать родила.

– Выключи свет! – простонала Ивана. – Что тебе здесь надо?

– Хочу смотреть на вас. Порнопрограмма для полуночников в прямом эфире.

– Вали отсюда!

Ивана стояла на коленях на кровати, зарыв лицо в подушку, а сзади ритмически двигалось мускулистое тело Михайла. По ее молочной коже разливался желтый свет настольной лампы, переливаясь восковым цветом старого золота, что делало ее больше похожей на мученицу, которая, поняв безнадежность сопротивления, равнодушно отдалась на милость и немилость своих мучителей, чем на наркоманку, которая была вынуждена за наркотики отдавать свое, всегда привлекательное, стройное тело.

– Ну что, ты уже кончил? – спросила она каким-то чужим голосом, доносящимся откуда-то издалека.

– Скоро. А было бы справедливо немного дать и Кале. Гаш для тебя он нашел, а не я.

– Дай ему ты и кончай уже, наконец! С меня всего предо-

статочно! – крикнула Ивана, не заметив, как Кале, похожий на худосочного тонконогого дьявола в человеческом обличье, хитро скалится над ее головой.

Неожиданно в проеме открытых дверей появилось сонное, все еще не проснувшееся лицо девочки, разбуженной скрипом и громким разговором из спальни. Не понимая, что происходит, она изумленно смотрела, как тело Иваны сгибается под сильной атакой Михайлы, приближающегося к оргазму. Она видела тень ее выпирающих ребер и мужские ладони на бедрах, вжатые как огромные клещи. Несколько минут она слушала ее болезненные стенания и его сладострастные возгласы, но, подумав, что в полутьме комнаты матери происходит что-то страшное, девочка крикнула изо всех сил:

– Мама!

В секунду все остановились в оцепенении, даже хитрая дьявольская усмешка замерла на лице Кале, а Ивана, как рыба, выскользнула из-под Михайлы, абсолютно голая, взяла девочку на руки и бегом отнесла ее в кровать. Девочка дрожала как испуганный олененок, не позволяя маме снять маленькую теплую ручку с ее шеи, по которой стекал ручеек пота.

– Мамочка, что они с тобой сделали? Они тебя били? – испуганно шептала девочка.

– Нет, Ангелина. Все в порядке. Не бойся, – Ивана пыталась успокоить ребенка.

– Тебе было больно?

– Нет.

– Ты меня обманываешь. Дай честное слово.

– Честное слово! – Она почувствовала, что ответ звучит неубедительно. – Ложись здесь, я тотчас же вернусь.

– Мамочка, куда ты?

– Скажу, чтобы они ушли к себе домой.

Девочка быстро выпрыгнула из-под одеяла и побежала за Иваной, чувствуя под босыми ногами холодный сквозняк. Дверь за пришельцами с треском захлопнулась.

VII

Через два года после появления на свет Ангелины Мария Савич приехала в Швецию навестить дочь и увидеть внучку. Уже после двух недель пребывания в Гетеборге ей все было ясно, а яснее всего то, что она очень нужна и одной, и другой. Она должна спасти то, что еще можно спасти.

Золотоволосая девочка приворожила ее, они не расставались ни на минуту. Стоило ей сесть отдохнуть, малышка тотчас находила возможность занять место у нее на коленях. Она гладила ее нежными малюсенькими пальчиками и с любопытством задавала сотню вопросов:

– Бабушка, а ты – мамина мама?

– Да, радость моя, – отвечала та, разнежившись, качая внучку на коленях.

– А почему вы не живете вместе?

– Мы жили вместе, пока она была маленькая, а потом она выросла и улетела.

– Как это улетела? У нее нет крыльев.

– Так говорят. Выросла и ушла.

Наивными вопросами Ангелина разбудила в ней воспоминания о днях, когда Ивана была приблизительно ее возраста, когда она была милым, смышленым ребенком, сообразительности которого все удивлялись, как купила ей первый школьный портфель и, заплетя две косы с красными банта-

ми, проводила в школу. Из дали лет перед ней возник силуэт дочери в синих джинсах и облегающем оранжевом пуловере без рукавов, под ним уже обрисовывалась формирующаяся грудь. Как она ликуя сообщает, что ее приняли в Первую белградскую гимназию, как сама она была встревожена в ту ночь, когда пропала Ивана, уехавшая в Швецию… За несколько секунд перед ее глазами промелькнул огромный кусок их жизни, все это напоминало ситуацию, когда отрезают огромный кусок торта и вместо того, чтобы выложить его на фарфоровую тарелку, как задумала хозяйка, он оказывается на полу, под ногами.

– Боже, где я ошиблась? – задавала она себе вопрос, обращаясь к Богу.

– Бабушка, пойдем играть на улицу. – Внучка тащила ее за руку, возвращая на солнечную сторону жизни.

С приездом матери Иване стало как будто легче, поэтому она все чаще выходила куда-нибудь с компанией и возвращалась из города поздно, после полуночи, заметно хмельная и пахнущая алкоголем.

– Ивана, что с тобой происходит? – спрашивала мать тихо и обеспокоенно.

– Ничего. Немного развлеклась с друзьями. Я же не баба, чтобы сидеть дома.

– Но ты и не девчонка. У тебя есть ребенок, ты несешь за него ответственность.

– Понимаешь, мама, я почти год никуда не выходила из

дома. А мне всего двадцать три года!

– Я вышла замуж в девятнадцать.

– Только не говори мне, что ты никуда не ходила!

– Честное слово, никуда. Я растила тебя, готовила, убирала, стирала твоему отцу трусы и рубашки. А он бросил нас, как последний подонок!

– Значит, было слишком рано. Тебе сейчас надо бы выйти замуж. Давай тебе кого-нибудь подыщем здесь?

– Брось говорить глупости и иди спать!

И хотя никогда раньше Мария не задумывалась об этом, эта идея ей вдруг понравилась. Она могла бы быть рядом с дочерью и внучкой и заботиться о них.

Помимо всего прочего, на зарплату, которую получала в Белграде, она едва сводила концы с концами да и чувствовала себя там страшно одиноко.

Недалеко от квартиры дочери, в их дворе, но в другом доме жила их землячка Ева, которая еще в шестидесятые годы приехала сюда из Нови Сада[19], тогда это называлось «на временные работы», и свой житейский баркас поставила на якорь на окраине Гетеборга. Они познакомились здесь, во дворе, гуляя с внучками. Мария часто заглядывала к ней на кофе, а та регулярно наносила ответные визиты. Не зная шведского, у нее была возможность с кем-нибудь поговорить и подружиться. Так, под знаком строгой секретности она

[19] Нови Сад – город на севере Сербии, административный центр региона Воеводина.

узнала много подробностей о безумной и несчастной жизни дочери, и это еще больше убедило ее в решимости остаться и жить тут, рядом с ней. Но как?

Впрочем, и Ева не сидела сложа руки и на одну из вечеринок позвала Свена Карлсона, своего приятеля, жившего по соседству. Свен уже четыре года был вдовцом и жил один. Его супруга четыре года назад внезапно умерла от инсульта, а он, уйдя в прошлом году на пенсию, всеми силами старался не впасть в тоску и бессмысленность будней, поэтому занимался всем подряд (в положительном смысле слова), чтобы заполнить время, которого у него было с лихвой.

Добровольно и бесплатно он заботился о домашних животных в ближайшем местном парке, куда приводили детей из детских садов и яслей посмотреть, как выглядят овцы, козы, пони, конь, курица или гусь. Этому делу Свен отдавался с таким удовольствием и любовью, что его питомцы, и перната, и мохнатые, сразу его узнавали, приветствуя дружным гоготаньем, кудахтаньем, блеянием и ржанием. После обеда он продавал лотерею «Бинго» перед ближайшим супермаркетом, что позволяло ему заработать кое-какую мелочь и увеличить домашний бюджет. Часто приносил старым и немощным соседям продукты из магазина, счастливый, что может быть полезным.

Добродушному и проворному старичку сразу понравилась Мария, которая была на двадцать лет моложе, и его не пришлось долго уговаривать жениться на ней. Рядом с

крепкой, достойной и интересной женщиной, на голову выше него, Свен, выпятив грудь, шел походкой юноши, заметно преображенный, с каким-то блеском в глазах, чистый и выглаженный, демонстрируя довольной усмешкой, что нашел свое позднее счастье.

А какие пироги она умела печь! Пирог с вишней и торт «Реформа» были достойны отдельного рассказа! О гуляше и тушеной капусте со свиными ножками не стоит и говорить! Так, открыв друг в друге доброту, объединив рациональное с полезным, они соединили свои жизни в теплом семейном союзе.

VIII

Школьный звонок объявил о конце урока радостным неуверенным голосом. Из дверей всех классов, подобно бурному горному потоку, валом хлынули к выходу ученики, разнесся веселый детский гомон. До сих пор спящий школьный двор заполнился детскими голосами, запестрел разноцветными майками, пуловерами и юбочками, резвых кроссовок и туфелек, всех возможных брендов и видов. По плитке двора затопали сотни озорных ног, напугав стаю голубей, которые еще недавно спокойно прогуливались перед входом в школу, собирая и склевывая крошки, оставшиеся от прошлых детских завтраков. На металлических стрелках больших часов, прикрепленных на каменной школьной стене, отдыхал солнечный луч, а его золотой отсвет отражался в веселых детских глазах.

Ангелина играла с Кале Нильсоном, которого вся школа знала под прозвищем Кале Корв («Колбаска»), потому что его отец, Гунар, ежедневно вывозил на площадь Кортедали маленький киоск-прицеп, с которого продавал горячие сосиски и колбаски, чем обеспечивал существование своей семьи.

Дети всегда выбирают самого слабого или спокойного (впрочем, это нередко и у взрослых), чтобы продемонстрировать превосходящую силу и чувство юмора. Кале понача-

лу злился, а потом стал делать вид, что не замечает их приставаний. Он пришел к выводу, что такая реакция выгоднее всего и ироничные придирки быстро затухают, а его оставят в покое.

В глубине своей рано обиженной души Ангелина чувствовала несправедливость и всегда была на стороне Кале, именно с ним она общалась и играла с наибольшим удовольствием.

– Не поймаешь! Не поймаешь! – дразнил он ее с другой стороны сетки, пока она бегала за ним по кругу на волейбольном поле.

– Ангелина бегает за Колбаской. Наверное, забыла позавтракать! – подсмеивались мальчишки.

В тот момент, когда Ангелина уже была на расстоянии вытянутой руки от Кале, чтобы поймать его, услышала, как девочка из старшего класса, курносая и рыжеволосая Линда, достаточно громко сказала Ингрид Густавсон из 3-го Б класса:

– Ее мама – проститутка и наркоманка.

– Откуда тебе это известно?

– Все это знают.

Ангелина остановилась как вкопанная, чувствуя, что кровь приливает к вискам и пылают уши. Вся красная, она кинулась к Линде:

– Что ты сказала?

– Что слышала.

– Повтори, что ты сказала.

– Я сказала, что твоя мама – наркоманка и проститутка, – ответила Линда, воинственно выпятив грудь.

– Откуда ты знаешь?

– Я видела ее вчера вечером, когда мы с мамой возвращались из кинотеатра, она сидела с Адамом из Хьельба у нашего подъезда и в ложке они жгли белый порошок. Мама их прогнала и сказала, что вызовет полицию, если еще раз увидит их здесь.

– А почему ты сказала, что моя мама – шлюха?

– Потому что наркотики дорогие, а твоя мама нигде не работает, у нее нет денег, и только так она их может заработать.

Ангелина почувствовала, как что-то сжимает ей горло и в любую минуту она расплачется. Но одновременно она ощутила какую-то доселе неведомую силу, которая закипает в ее хрупком теле, и сильное желание отомстить, чтобы и Линда познала горький вкус унижения. Со всех сил она залепила ей пощечину, чего та никак не ожидала, учитывая ее солидный вес и возраст. След от маленькой рассерженной ладони красной линией отпечатался на Линдиной пухлой щеке. Изумленная и смущенная, она на мгновение замерла, а потом схватила Ангелину за волосы, и та ее тоже, и девочки начали драться. Все дети сбежались, образовав вокруг них большой круг и разделившись на две группы болельщиков, хором поддерживающих одну или другую.

Линда была крупнее и сильнее. Она тащила Ангелину то

влево, то вправо, и та быстро поняла, что, хватаясь за волосы, не сможет победить более мощную противницу. Она почувствовала сильнейшую боль, когда Линда, в приступе ярости и уверенная в своем превосходстве, практически подняла ее над землей и хотела отбросить влево. За доли секунды в голове у Ангелины родился спасительный план. Она со всей силы ударила ей кулаком по носу. Кровь брызнула, и соперница сразу же отпустила ее, растерянно держа клок светлых волос в своей мясистой руке.

– Ангелина, Ангелина, Ангелина! – по школьному двору пронесся единодушный возглас одобрения любителей боевых искусств. Они были похожи на маленьких гиен, почувствовавших первую кровь и оттого радостно завывающих.

Запыхавшаяся учительница спешила к ним по каменным ступенькам. Заметив Линду, запачканную кровью, она подбежала к ней, достала бумажный носовой платок и стала вытирать ей окровавленные нос и подбородок.

– Что здесь происходит? – Она окинула вопросительным и строгим взглядом всю группу детей.

– Ангелина напала на меня и разбила нос, – плача ответила Линда.

– Ты иди к школьной медсестре, а ты, Ангелина, со мной, к директору!

Со временем Ангелина перестала общаться со своими сверстниками и сразу же после окончания уроков первой вы-

ходила из класса, торопясь домой. Она закрывалась у себя в комнате, вжавшись в плетеное кресло в углу или вытянувшись на заправленной постели. Глядя в потолок, она отдалась на волю одиночества и все чаще задавала себе вопрос, на который никак не могла найти ответ: почему какие-то люди злые, а какие-то добрые? Почему одни счастливы, а другие несчастны? Почему одни купаются в изобилии, а другие едва сводят концы с концами?

Например, толстощекая Линда и вчера ходила со своей мамой в кинотеатр, а она там никогда не была, только в прошлом году она и Ивана были в парке аттракционов «Лисеберг», и то благодаря бабушке, которая дала им денег.

Почему все в классе смеются над Кале, насмешливо называя его «Колбаска», когда он – очень спокойный и дружелюбный мальчик, он никогда никому не сделал зла, один из лучших ее друзей в классе?

Как так случилось, что ее мать презирают окружающие, считая ее асоциальной личностью? Это слово Ангелина сразу запомнила, услышав его во время последнего разговора с социальным работником, где присутствовали она, бабушка, Свен и классный руководитель.

Девочка не просто неизмеримо любила мать, она сочувствовала ей и болезненно, до глубины души страдала, когда видела ее, сломленную депрессией или пьянством.

Картинки событий из раннего детства, когда мать общалась с подозрительными типами, вертелись по кругу, как на

киноэкране, а неприятные события, свидетелем которых она была, навсегда запечатлелись в дневнике болезненных воспоминаний.

Ангелина помнила день, когда Ивана пришла домой с рассеченной, заметно отекшей нижней губой и иссиня-черным синяком под левым глазом. Глаз был окровавлен и полузакрыт.

– Мама, кто тебе это сделал? – испуганно спросила дочь.

– Я упала со ступенек, когда выходила на трамвайной остановке.

Ивана ушла в свою комнату, легла на кровать, отвернувшись лицом к стене, и слезы стекали на фланелевую наволочку.

Именно в тот день местный наркодилер на площади в Хьельбу подкараулил Ивану, которая уже давно была ему должна за четыре дозы, а потом искусно избегала встреч с ним и не отвечала на телефонные звонки. Он едва дождался момента, чтобы вернуть должок. Заметив, как она выходит из табачного киоска, он устремился за ней, схватил за локоть и потянул за киоск.

– Убегаешь, а? Думала, что я тебя не найду?

– Зачем мне убегать?

– Где деньги?

– Я их еще не нашла.

– А на какие шиши ты купила сигареты?

– Это всё, что у меня было.

– Сейчас ты у меня получишь, грязная тварь!

Он заехал ей кулаком по лицу. Треснула губа, и Ивана почувствовала сладко-соленый вкус крови во рту.

– Что с тобой? Почему меня бьешь?

– Когда принесешь деньги?

– Точно не знаю, через пару дней.

– Точно не знаешь?! Узнаешь!

Сжав кулак, он ударил ее еще раз. У нее перед глазами потемнело. Ивана почувствовала сильную боль, тысячи светящихся искр заиграли у нее перед глазами, и она упала в лужу рядом с бордюром.

– Пожалуйста, не бей меня. Я тебе завтра заплачу.

Дилер перешагнул через нее, нагнулся и прижал непогашенную сигарету выше виска. В ноздри ударил запах сожженных волос и подсмоленной кожи. Ивана вскрикнула от боли, закрыв лицо руками, пытаясь защититься.

– Это печать, которой я заверил твое обещание, – процедил сквозь зубы насильник, презрительно бросив окурок в лужу рядом со скрючившейся Иваной. Потом он стал исследовать содержимое карманов ее куртки, выворачивая их наизнанку. Дилер нашел там только сигареты и мобильный телефон. Мобильный взял, а сигареты бросил в лужу рядом с ней.

– Получишь его завтра, когда принесешь деньги.

Ожог от сигареты Ангелина не заметила, потому что Ивана закрыла его прядью густых волос. Это было единственное,

что ей удалось скрыть от девочки.

В тот день Ангелина, пообедав, пошла к себе в комнату. Свернувшись клубком в плетеном кресле, придвинутом к подоконнику, она наблюдала за окрестностями через сверкающее окно, этим утром вымытое бабушкой Марией. В утопающем в зелени дворе под бдительным присмотром своих матерей, на качелях и горке, увлеченные игрой, шумели соседские дети. Две девочки перепрыгивали через резинку.

– Чем занимаешься, Ангелина? – открыв дверь, поинтересовалась бабушка Мария.

– Наблюдаю, что делают дети во дворе.

– Давай сделай домашние задания и иди во двор, поиграй с детьми.

– Сейчас, мигом. Только немного отдохну.

– Ты заходила к Иване?

– Да, по дороге из школы, но дверь была заперта. Я звонила, но никто не открыл. Наверное, ушла куда-нибудь.

Дверь тихо затворилась, а Ангелина как-то безвольно стала одну за другой доставать тетради и книги из школьной сумки, выкладывая их на столешницу. Потом она глубоко задумалась, постукивая ручкой по столу, без особого желания приступать к выполнению заданий.

Слишком рано созрев, на материнском примере она поняла, что жизнь немилосердна к тем, кто безвольно отдается на волю ее капризному течению и позволяет бросать себя в

непредвиденные водовороты и на отмели страшных страданий и унижений. Ей было жаль мать, но как ей помочь, она не знала. В своих самых буйных фантазиях Ангелина представляла себя с кучей денег, за рулем красивого маленького автомобиля, как она останавливается перед Иваниным подъездом, чтобы забрать ее с собой на отдых, как, ненадолго остановившись перед светящимися витринами магазинов в центре города, они заходят внутрь, и она покупает себе и маме самые красивые платья, не жалея денег, которых у нее пруд пруди.

Таинственная улыбка на мгновение мелькнула на нежных детских губах, а потом тень грусти преобразила эту улыбку в тоску, изменив едва заметную линию между выражением счастья и выражением разочарования. Удивительно, как эти две тени сменяются на человеческом лице от раннего детства до поздней старости в соответствии с состоянием души и обстоятельствами, в которых мы находимся. Интересно, попытался ли кто-нибудь хотя бы приблизительно нарисовать график этого феномена, или только морщины по краям наших губ свидетельствуют, что это происходило бесконечное число раз.

Ангелина закрыла глаза, желая продлить короткое удовольствие, которое ей подарила яркая детская фантазия.

«Кто так устроил мир? Одни купаются в изобилии, а другие увязли в бедности? Мамин холодильник всегда пуст. Если бы бабушка не давала ей еды, она умерла бы с голоду».

Вопросы выстраивались в ряд, и Ангелина судорожно пыталась найти на них ответ.

«И почему плохие люди часто бьют маму? Никто из ее знакомых мне не нравится. Ни один. Она думает, что я маленькая и ничего не знаю. Говорит, упала со ступенек, а я знаю, что ее снова били. Если бы она упала со ступенек, то вывернула или сломала бы ногу, а когда тебе разбивают губу и залепляют в глаз, это значит, что тебя побили. Наверняка это потому, что папа нас бросил и нас некому защитить. Я вообще его больше не люблю. Он забыл, когда у меня день рождения, и вообще ничего мне не купил».

IX

Целую неделю Ивана не выходила из дома, только после обеда заходила к матери и дочери, живущим напротив, чтобы что-нибудь перекусить. Они обе смотрели на нее с грустью и сочувствием, а она как раз этого не выносила. Их печаль была ей непонятна и оскорбительна, поэтому, едва утолив голод, оправдываясь придуманными, несуществующими делами, она пропадала в известном только ей направлении.

Когда наконец опухоль под глазом прошла и губа зажила, хотя след от раны все еще был заметен, Ивана на городском автобусе отправилась в центр, не заплатив за проезд. Спрятав за темными очками синяк, переливающийся всеми цветами радуги, она устремилась в большой торговый центр «Феман». Ее целью было найти деньги. Там ежедневно рисовал портреты болгар Ванчо, параллельно по мелочи он перепродавал украденный товар, который ему приносили местные воры. Все, кто хорошо его знал, покупали у него за полцены духи, очки «Рейбан», зажигалки, а иногда и мобильные телефоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.